

УДК 81-13
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-25-39

О вечной ценности идей в сиюминутных воплощениях

В. З. Демьянков

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Эпистемическая ценность идей устанавливается в рамках конкретной культуры и не всегда совпадает с сиюминутной актуальностью. Приписывание идеи конкретному автору, подача ее в виде цитаты, является одним из средств «сертифицирования» предложений как презентации истины или лжи. Это социальное измерение идей позволяет при манипуляции использовать мнения в средствах массовой информации, когда даже заведомо фейковые новости и фейковые «истины» обходят не очень придирчивый «фейс-контроль» со стороны адресата.

В литературе по «цитирующему» употреблению языка наиболее популярны два подхода: «семантический» и «буквалистский». При первом допускается, что содержание пропозиций можно рассматривать в абстракции от формы, в которой предложение поступает к адресату. При втором же, интерпретативном, подходе не допускается рассматривать идеи в отрыве от формы, так что оказывается, что сами «мысли» всегда зависят от «синтаксических» деталей формальной реализации идей в дискурсе, будучи социально адаптированными к социокультурному окружению. Из этого взгляда вытекает, что ценность идей зависит даже от «синтаксических чудачеств» конкретного языка. От этих идиотических нерегулярностей в «формальной логике» отвлекаются при презентации пропозиций и пропозициональных установок.

Можно предположить, что интерпретативный буквализм временно исполняет обязанности теории употребления языка, в ожидании будущего, усовершенствованного, «лучшего» объяснения фактов, при котором, не исключено, «семантический» подход покажется более прозрачным.

© В. З. Демьянков, 2021

Ключевые слова

истинное значение цитаты, пропозициональная установка, форма и содержание идей, ценность идеи, креативность социокультурной адаптации идеи

Благодарности

Исследование, описанное в разделе 1, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Раздел 2 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Демьянков В. З. О вечной ценности идей в сиюминутных воплощениях // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 25–39. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-25-39

On Eternal Value of Ideas in Their Momentary Actuality

V. Z. Demyankov

*Institute of Linguistics RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Opinions have degrees of epistemic “value”, measured in the framework of a given culture. These degrees do not necessarily coincide with degrees of momentary actuality in the society and in the cultural environment. Parameters of social-cultural evaluation vary with time gaining and/or losing actuality. They even depend on whether those who pronounce these opinions are acquainted with those whom these opinions are ascribed to or with “certified” authors of the ideas. This social dimension of opinion evaluation may be manipulatively used in mass media so that even openly fake news and fake ‘truths’ are taken for granted by addressees.

Two approaches are extensively discussed in the literature on such “quotational” view of language use: the “semantic” approach and the “formal” approach. The former takes the content of propositions not to depend on the sentence forms presented to the audience. For the second approach, the propositions taken as ideas wholly depend on the form of presentation, even on syntactical details of formal realizations of ideas in discourse, being socially adapted to the cultural environment. This view implies that evaluation of ideas depends even on “syntactic vagaries” of a given language, such as Russian or English additionally to the ways they present propositions and propositional attitudes in formal logical systems.

Keywords

truth meaning of quotation, propositional attitude, form and content of ideas, value of idea, creativity of social-cultural idea adaptation

Acknowledgements

The research is funded by grants № 19-18-00040 (part 1) and № 19-18-00429 (part 2) of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

For citation

Demyankov V. Z. On Eternal Value of Ideas in Their Momentary Actuality. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 25–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-25-39

1. Идея под пленкой

Листая труды великих мыслителей прошлого, настоящего и даже будущего, убеждаешься, что всё умное уже давно сказано, а нам только остается додумать остальное. При самых резких порывах креативности, плетя новые словесные кружева, наши мысли всё равно крутятся вокруг древних перечислимых мотивов.

Однако вечные идеи далеко не всегда кажутся актуальными, а мысли на злобу дня, в принципе, могут обладать на поверку лишь преходящей ценностью. Вечная ценность конкурирует с актуальной сиюминутностью: «[...] ценность идеи (в материале данной книги – “культурного концепта”) безотносительна, заключена в ней самой; но в определенные общественные периоды, в зависимости от общественной конъюнктуры, может “высвечиваться” или оставаться в тени» [Степанов, 2001, с. 4].

Многие вечные идеи к нам приходят лишь в сиюминутном воплощении, они ценны вдвойне: как вечные идеи и как их реализация в трудах Мастера.

Таким Мастером вечности был Ю. С. Степанов.

Идеи бывают ценными не только потому, что содержат «неожиданно понадобившуюся» истину. Некоторые «актуальные» идеи мы любим «из чужих рук», просто потому, что их «любит народ» (в просторечии – завистников: потому что они раскручены) и/или они высказаны «значимой» личностью, как, например, повторяемое не одним поколением туристов: *Правильным путем идете, товарищи!* Мысль сама по себе бывает логически ущербной, например: *Кто не с нами, тот против нас*, где заключение не вытекает из первой части, а объявляет врагом всех неподдакивающих. Полюбившейся чужой мысли прощают «недологичность», заодно и на автора обрушивая тепло своих чувств.

Один из наиболее «филологических» приемов обращения с чужими (реже со своими собственными) идеями заключается в цитировании (англий-

ское *quoting*, как известно, не совпадающее по значению с *citation*), включении «чужих слов» в состав «своего», цитирующего символа [Goodman, 1984, p. 124], передающего пусть и не сам «помысленный предмет», но его «верную копию» («here the words are not precisely the things-meant to which the speaker is referring, but faithful copies» [Gardiner, 1951, p. 234]). Такая передача «референциально прозрачна» [Whitehead, Russell, 1935, p. 665], поскольку хотя бы частично устраняет возможные сомнения и колебания («referential opacity» [Quine, 1960, p. 144]) в соотношении имени с целевым объектом, которому приписываются заданные свойства. Например, сказав: «Мне нужен белый снег», вы обязуетесь удовлетвориться, если найдете снег, который, по вашим понятиям, но не обязательно по критериям дворника, **можно назвать** белым, ср.: *Ваш «белый снег» что-то не очень-то и белый*. Найденное иногда приходится переименовывать, заботливо закавычив старое имя. Так, установив местожительство разыскиваемой *девушки без адреса*, можно эту «Золушку» называть всю оставшуюся жизнь «девушка без адреса», но в кавычках: старое именование («поисковый образ», как говорят в информатике) останется у нее на память, как «девичья фамилия» из свидетельства о рождении.

Цитирование (quotation), по укоренившемуся с 1980-х гг. взгляду, приписываемому Д. Девидсону [Cappelen, Lepage, 2007, p. 1], «обращает язык на себя» (turns language on itself), превращает выражение в имяподобный символ, обладающий референцией к этому выражению («a process, a device which makes, out of an expression, a name-like symbol which refers to the expression» [Cresswell, 1973, p. 104]). Цитировать – **упомянуть** (указать на оболочку символа), а не **употребить** (привязав к референту) выражение [Elgin, 1983, p. 127], ср. «упоминание речи» (Redeerwähnung) и «употребление речи» (Redegebrauch) [Grabski, 1988, S. 1]. Разъяснение типа *Под свободой понимают осознанную необходимость* напоминает инструкцию по обращению с пылесосом, указывающую, как что называется и что с этим делать. Аналогично предназначение двуязычных словарей и разговорников.

2. Буквализм и семантизм

Так что же является носителем истинности и ложности: значение предложения или само предложение во всей его формулировочной красе [Quine, 1990, p. 77]?

При первом, «семантическом», взгляде не слова и предложения несут нам правду, а их «смысл», или абстрактное представление об этом смысле,

само их употребление, акт речи, который они составляют в нашем общении, передавая уверенность, сомнения, надежды, предположения, отказ признавать справедливость сказанного и т. п. [Strawson, 1999, p. 403], ср. [García-Carpintero, 1999, p. 146–147].

А второй, «буквалистский», взгляд признает истинными слова – как представители («репрезентации») смыслов, – а не сами смыслы. Это тот самый интерпретативный подход, о котором довольно много сказано, особенно в последние десятилетия (см., например, [Демьянков, 1985]).

Из буквалистского взгляда вытекает, что, цитируя, «переупоминая», мы не имеем дело непосредственно с самими мыслями («пропозициями»): выводы вытекают из формулировок, но идея «в собственном соку» сама по себе недоступна (см. [Cresswell, 1973, p. 105]). Слово можно из песни выбросить (как из текста государственного гимна, несколько раз официально обновленного, «актуализированного»), а мысль убить нельзя. Знание «с чужих слов», окутанное защитной пленкой наработанных и обкатанных мнений, а не прямое знакомство с предметом, образует информационную основу нашей цивилизации, в том числе и ученого исследования [Clupe, 1991, p. 65], см. [Демьянков, 2020, с. 7]. Идеи мы любим и ненавидим ушами, в упаковке из чужого голоса, не проверяя то и дело обоснованность нашептываемого фейкоделом. Ср. в концепции неориторки: «Излагая не истину, но мнение, оратор создает язык, способный стимулировать интеракцию получателя сообщения, аргумент в этом случае получает статус коммуникативного события, т. е. становится речевой конструкцией, направленной на изменение и/или подкрепление мнения реципиента, а аудитория оказывается гипотетическим и теоретическим конструктом, обеспечивающим коммуникацию» [Шатин, Силантьев, 2019, с. 394].

Признать истину при таком подходе – значит оценить слова, цитату, а не пропозицию в «голом виде», готовую в любой момент выскользнуть из наших рук. Констатировать, вслед за А. Тарским, истинность «Предложение “Снег бел” истинно, если снег бел» – значит приписать белизну снегу, удалив предикаты истинности и кавычки; получаем: *Снег бел*. Выяснение истины предстает как раскавычивание (disquotation) [Quine, 1990, p. 80], а правдолюбие – как любовь к элиминированию цитат, бескавычный плагиат. Предикаты *истинный*, *ложный* и *есть истина*, *есть ложь* в конструкциях типа *is true / false* избыточны (см. работы Ф. Рамсея в 1920-е гг. [Ramsey, 1990] и П. Стросона, а также [Searle, 1999, p. 385]) в обыденном языке, но не всегда в научном. Так, вздох *В доме не осталось ни кусочка хлеба* можно исполнить, озвучив логическую формулу с кванторами: *То, что в на-*

шем доме существует некоторый x , и этот x является кусочком хлеба, является ложью. На таком научном суржике ложью называют не преднамеренный обман (за который в случае чего могут и покарать), а любой неудачный и ненаказуемый поворот языка. Подобные искусственные формулы подают хрупкую – на грани приемлемости и грамматичности – оболочку мысли, демонстрируя эфемерность мимолетной интерпретации высказывания на человеческом языке.

Но не лишни предикаты истинности в контексте сомнения, вопроса, предположения: в «бесцитатном» (disquotational) виде такие предложения редки [Searle, 1999, p. 386], ср. [Quine, 1999, p. 78].

Цитирующие формулы допускают вложение предложений с неограниченным числом предикатов истинности. Например, с двумя: «Предложение *Снег бел истинно* истинно», если и только если снег бел». Аналогично с тремя, четырьмя, да хоть и с миллионом подобных предикатов: логика это допускает, но обыденный язык, не краснея, упорно предпочитает оголенную бескавычность. Номинализация предиката пропозициональной установки такое множественное вложение также допускает, ср. новую редакцию старой истины *Надежда, что надежда умирает последней, умирает последней*, где можно до бесконечности увеличить подобные вложения.

Истинностный предикат избыточен, когда приписан конкретному предложению, но уместен в предложениях обобщающих, характеризующих целые классы высказываний. Так, можно сказать, что всё произнесенное в угаре правдолюбия было ложным (ср. понятие «чушь» в речи математиков), или, наоборот, что все следствия из истинных теорий истинны: «Все пропозиции p , вытекающие из данной теории, ложны». Логический анализ таких контекстов демонстрирует связь предиката не с конкретной цитатой, а с заменяющим ее местоимением, или со связанной переменной p . Но только каков в нем статус выражения «пропозиции p »? Буквалисты имеют в виду «выражение пропозиции p на конкретном языке» (с кавычками), а сторонники «семантического подхода» – саму пропозицию p (без кавычек). Чтобы избежать такого замешательства, и употребляют термин *предложение* со значением «выражение, содержащее предикат, на данном языке», например: «If a normal speaker of a language L assents to ‘ p ’ and ‘ p ’ is a sentence of L and ‘ p ’ describes a possible state or states of affairs, i.e. p is possible, then that speaker believes that p » [Marcus, 1983, p. 330].

Итак, буквализм предполагает, что пропозициональные установки (мнения, сомнения, надежда и т. п.) основаны на употреблении конкретно-

го языка, используемого для упоминания предмета речи. И определить, что такое истина, можно только для каждого реального языка отдельно, глубоко исследовав все свободы и обязательства его синтактики (ср. [Davidson, 1999, p. 109–110]). Это делает миссию безъязычного правдолюбца невыполнимой. Ведь согласиться или не согласиться с мыслью можно, только если знать формулировку на конкретном языке. Со сменой же языка следует объявлять дефолт мыслям на нём. Так, за завтраком в хорошем настроении джентльмен думает только о приятном и только по-французски. Когда же на пороге появляются кредиторы, он переходит на свой родной английский и банкротит, дезавуирует, все свои французские обещания.

Да и самым смелым полетом мыслей рулят грамматические и лексические причуды обслуживающего нас человеческого языка. Например, в отличие от литературного русского языка, в венгерском союз *hogy* «что» употребляется совместно с указательным местоимением «тот», но не «этот»: правильно сказать *Péter azt mondta, hogy János elmegy* (букв. «Петр то сказал, что Янош ушел») и цитирующее *Péter ezt mondta: János elmegy* (букв. «Петр это сказал: “Янош ушел”»), но недопустимо **Péter ezt mondta, hogy János elmegy* «*Петр это сказал, что Янош ушел» [Kiefer, 1986, p. 201]. Ср. подозрительно похожее в русском (уже не очень молодежном) языке последних 30 лет: *Я думаю, то что училка не придет* при неправильном **Я думаю, это что училка не придет*.

Типографские приемы передачи цитаций, в частности батарея кавычек и правила закавычивания и употребления курсива, входят в состав метаязыка [Cresswell, 1973, p. 105] и также передают нюансы неполного согласия или полного несогласия, «обезличивания», в каких дистанцируются от речи, чтобы читатель не заподозрил, что автор именно так и думает и подписывается под чужими словами. Заимствуют чужой текст с разными намерениями [Krause, 1985, S. 10] и люди кристально честные, а не сплошь kleptomаны. При «получитировании» – просто потому, что закавыченное слово взято напрокат из чужой речи, но, по мнению цитирующего, не совсем подходит к данному контексту, например: *I didn't 'chase' the thief; as it happened, he couldn't get his car started* («Я не “спугнул” вора; оказалось, он просто не мог завести автомобиль») [Fillmore, 1971]. Кавычки помечают переход от одного речевого акта, утверждения, к другому, с помощью которого «открещиваются от сказанного», «обезличивая» его (ср. impersonation), см. [Altham, 1979, p. 36]. Такие высказывания варьируются по степени восторга, ужаса и брезгливости, с которыми носят слова «с чужого

плеча», ср. знаменитое: «Хунвейбины, слово-то какое... трудное». Незаменимы они в художественном тексте, когда требуется разграничить, кто что сказал, кому и в каких обстоятельствах, особенно же – кому принадлежит сказанное и «с чьего голоса» (voice) оно исполняется в конкретном эпизоде общения (см. [Roberts, 1981, p. 265]). Так, при темпоральной интерпретации цитируемой речи (установлении того, когда относительно настоящего времени происходит действие в ней) опираются на актуальное настоящее, наличное «на переднем плане» рассказа, подобно шубе, в которую кутурье укутал свою модель, ср. [Dry, 1983, p. 48].

Прямое цитирование – что-то вроде небесстрастного портретирования, в котором пересказчик исподволь передает свою установку к коммуникации и коммуникантам. Цитируя Петю прямо, говорят: *Петя сказал:...* (*Peter said*), но не *Петя сказал, что...* (*Peter said that...*) [Cole, 1978, p. 16]. Непрямое цитирование допускает неточности передачи. Вот здесь-то и важно различие между упоминанием и употреблением (заданного, цитируемого) предложения. Правда, в результате путаницы в пересказе референты местоимений первого и второго лица нечаянно оказываются действующими в рассказе лицами, а не только собеседниками [Yule, 1995, p. 195].

Непрямую передачу мыслей оценивают обычно по шкале «верный пересказ – неверный пересказ» (и только во вторую очередь как истинное или ложное высказывание), с бесчисленным числом степеней «целесообразной неточности» в рамках «драмы общения» (ср.: «An indirect quotation we can usually expect to rate only as better or worse, more or less faithful, and we cannot even hope for a strict standard of more and less; what is involved is evaluation, relative to special purposes, of an essentially dramatic act» [Quine, 1960, p. 219]). Скажем, пересказывая сообщение *Директор сказал: «Нам предстоит осуществить важный проект»*, умалчивают, кому именно это предстоит: *Директор сказал, что предстоит осуществление важного проекта*. Однако дальше всего заходит «аллюзивный» (намекающий) пересказ, или аллюзивный дискурс [Charaudeau, 1983, p. 65], в котором от слов оригинала остались только рожки да ножки: *Нам сказали, что придется поднапрячься*. И наоборот, «сверхцитирование» подчеркивает фотографичность, доводя до минимума «эпидермический контакт» с чужой мыслью, например: *Директор сказал, цитирую буквально: «Нам предстоит осуществить важный проект»*.

Синтактика цитирования обслуживает «стилистические наклонности» (stylistic proclivities) говорящего и его адресата [Brewer, 1987, p. 231], с их

когнитивными предпочтениями и опасениями, когда одни сведения принимают «с колес», а другие в страхе сами бросаются под колеса.

А вот уместность цитирования зависит от цели и жанра речи: в научных текстах решаются в первую очередь одни задачи, в СМИ и в обычном языке – другие [Bastian, Hammer, 1999, S. 185], по-разному контрастно высвечивая и когнитивную благонадежность цитируемого, и коммуникативную дальновидность цитирующего. Так, в академичной речи чужие идеи критикуют, хорошо взвесив возможные последствия для будущих межличностных отношений ученых. А неожиданное или непривычное упоминание известных расхожих истин истолковывается то как вежливый отказ от возражений маститому авторитету, то как высокомерное пренебрежение мнением менее влиятельного автора с его «глупостями». И как простое невежество дилетанта.

Указание на источник – сертификат надежной информации, подобный акцизной марке, иногда напечатанной на домашнем цветном принтере и приклеенной к бутылке из неизвестного подвала-погреба. Если борьба с фейком в сфере СМИ из нынешней легкомысленно-опереточной фазы перейдет в сферу, сопряженную с большими судебными издержками, можно ожидать, что и здесь акцизный конвой «в пыльных шлемах» будет сопровождать любую заметку, чтобы защитить легковерного читателя от легковесного репортера. Напоминанием о былой вольнице эпохи фейковщины будут выражения типа *так сказать, как говорится, wie es heißt, comme on dit* [Ibid., S. 186], не требующие (пока!) обоснования: кто сказал, когда, кому и зачем. После длительного обсуждения того, кого считать ответственным за фейк непрямого цитирования (а это результат многовековой эволюции культуры пересказа, см. [Betten, 1992, p. 168]), гуманные законодатели согласятся на послабления для сказителей, по рассеянности употребивших не тот прием цитации, при отсутствии злонамеренности, в частности мотивов корысти, дискредитации конкурента в борьбе за власть и авторитет, за членство в элитном сообществе и за жилплощадь.

Заключение

Итак, все умные мысли уже давно сказаны, а нам только остается придумывать остальные – и / или – не обязательно прямо – цитировать и цитировать чужие.

Буквалистский взгляд возлагает ответственность за истинность сказанного на непосредственного конструктора языковой оболочки предложения. Именно восприятие формы и порождает «цитоквиновый шторм» у интер-

претатора. «Семантический» же взгляд подвиг изречения истины приписывает генератору идеи, а не ее «презентатору».

«Семантический» взгляд сегодня менее популярен, чем буквализм, поскольку нет единодушия в понимании того, что же такое «значение предложения». Зачем искать потерянные ключи в кустах, где ты их, возможно, уронил? Все равно не найдешь, потому что там темно, и ты можешь затоптать искомое в почву, после чего не найдешь даже тогда, когда к кустам подведут электричество. Лучше покрутиться чуть подальше, но под фонарем. Не найдешь, так хоть ногу не сломаешь и брюки не порвешь. Останешься ни с чем, но не затопчешь перспективу будущего обретения.

Поиски утраченной истины разумно начинать, сначала выяснив возможные потери и от поисков, и от находок: заново обретенное не всегда лучше того, что выросло на старом месте.

Таким образом, интерпретативный буквализм – местоблюститель теории употребления языка, в ожидании будущего, усовершенствованного, «лучшего» объяснения фактов, при котором, не исключено, «семантический» подход покажется более прозрачным.

Список литературы

Демьянков В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 76 с.

Демьянков В. З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Новая риторика X. Перельмана и приемы риторической аргументации в работах А. Пуанкаре // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 392–401.

Altham J. E. J. Indirect reflexives and indirect speech // Intention and intentionality: Essays in honour of G. E. M. Anscombe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1979. P. 25–37.

Bastian S., Hammer F. Um mit Goethe zu sprechen: “Es irrt der Mensch solange er strebt” (Tout homme qui marche peut s'égarer): Marker des Zitierens und Kommentierens im Deutschen und Französischen // Sprachvergleich und Übersetzen: Französisch und Deutsch: Akten der gleichnamigen Sektion des ersten Kongresses des Franko-Romanistenverbandes (Mainz, 24.–26. September 1998) / Hrsg. von S. Reinart, M. Schreiber. Bonn: Romanistischer Verlag, 1999. S. 167–188.

Betten A. Sentence connection as an expression of medieval principles of representation // *Internal and external factors in syntactic change* / Ed. by M. Gerritsen, B. Stein. Berlin; New York: Gruyter, 1992. P. 157–174.

Brewer W. B. In the beginning was the adverb // *Linguistic analysis*. 1987. Vol. 17, № 3–4. P. 216–233.

Cappelen H., Lepore E. *Language Turned on Itself: The Semantics and Pragmatics of Metalinguistic Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2007. xi, 169 p.

Charaudeau P. *Langage et discours: Eléments de sémiolinguistique (théorie et pratique)*. Paris: Classiques Hachette, 1983. 176 p.

Clyne M. The sociocultural dimension: The dilemma of the German-speaking scholar // *Subject-oriented texts: Languages for special purposes and text theory*. Berlin; New York: Gruyter, 1991. P. 49–67.

Cole P. On the origins of referential opacity // *Pragmatics* / Ed. by P. Cole. New York etc.: Academic Press, 1978. P. 1–22.

Cresswell M. J. *Logics and languages*. London, Methuen, 1973. 273 p.

Davidson D. The centrality of truth // *Truth and its nature (if any)* / Ed. by J. Peregrin. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 105–115.

Dry H. A. The movement of narrative time // *Journal of literary semantics*. 1983. Vol. 12, № 2. P. 19–53.

Elgin C. Z. *With reference to reference*. Indianapolis; Cambridge: Hackett, 1983. 200 p.

Fillmore Ch. J. Types of lexical information // *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology* / Ed. by D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 370–392.

García-Carpintero M. The explanatory value of truth theories embodying the semantic conception // *Truth and its nature (if any)* / Ed. by J. Peregrin. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 129–148.

Gardiner A. *The theory of speech and language (1932)*. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1951. xi, 348 p.

Goodman N. Routes of reference // *Semiotic unfolding: Proceedings of the Second Congress of the International Association for Semiotic Studies (Vienna, July 1979)* / Ed. by T. Borbé. Berlin etc.: Mouton, 1984. Vol. 1 (Part 1. Theory and history of semiotics. Part 2. Semiotics and social interaction). P. 123–133.

Grabski M. *Gebrauchsanführungen: Ein Ausdrucksmittel für die Störung semantischer Struktur*. Tübingen: Niemeyer, 1988. 115 S.

Kiefer F. Some semantic aspects of indirect speech in Hungarian // Direct and indirect speech / Ed. by F. Coulmas. Berlin etc.: Mouton de Gruyter, 1986. P. 201–217.

Krause G. Zur Originalität des literarischen Signifikanten. Frankfurt am Main etc.: Lang, 1985.

Marcus R. C. B. Rationality and believing the impossible // Journal of philosophy. 1983. Vol. 80, № 6. P. 321–338.

Quine W. V. O. Word and object. Cambridge (Massachusetts): Massachusetts Institute of Technology, 1960. 296 p.

Quine W. V. O. Pursuit of truth. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press, 1990. 113 p.

Quine W. V. O. Where do we disagree? // The philosophy of P.F. Strawson / Ed. by L. E. Hahn. Chicago; La Salle (Illinois): Open Court, 1999. P. 73–79.

Ramsey F. P. Philosophical papers / Ed. by D. H. Mellor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 257 p.

Roberts H. Voice in fictional discourse // Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California): Berkeley Linguistics Society, 1981. Vol. 7. P. 265–274.

Searle J. R. Truth: A reconsideration of Strawson's views // The philosophy of P.F. Strawson / Ed. by L.E. Hahn. Chicago; La Salle (Illinois): Open Court, 1999. P. 385–401.

Strawson P. F. Reply to John Searle // The philosophy of P. F. Strawson / Ed. by L. E. Hahn. Chicago; La Salle (Illinois): Open Court, 1999. P. 402–404.

Whitehead A. N., Russell B. Principia mathematica: Volume 1. 2nd ed. Cambridge: At the University Press, 1935. 673 p.

Yule G. The paralinguistics of reference: representation in reported discourse // Principles & practice in applied linguistics: Studies in honour of H.G. Widdowson / Ed. by G. Cook, B. Seidlhofer. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 185–196.

References

Altham J. E. J. Indirect reflexives and indirect speech. In: Diamond C., Teichman J. (eds.) Intention and intentionality: Essays in honour of G. E. M. Anscombe. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1979, p. 25–37.

Bastian S., Hammer F. Um mit Goethe zu sprechen: “Es irrt der Mensch solange er strebt” (Tout homme qui marche peut s'égarer): Marker des Zitierens und Kommentierens im Deutschen und Französischen. In: Reinart S., Schreiber M. (Hrsg.) Sprachvergleich und Übersetzen: Französisch und Deutsch:

Akten der gleichnamigen Sektion des ersten Kongresses des Franko-Romanistenverbandes (Mainz, 24.–26. September 1998). Bonn, Romanistischer Verlag, 1999, S. 167–188.

Betten A. Sentence connection as an expression of medieval principles of representation. In: Gerritsen M., Stein B. Internal and external factors in syntactic change. Berlin; New York, Gruyter, 1992, p. 157–174.

Brewer W. B. In the beginning was the adverb. In: Linguistic analysis. Amsterdam, 1987, vol. 17, no. 3–4, p. 216–233.

Cappelen H., Lepore E. Language Turned on Itself: The Semantics and Pragmatics of Metalinguistic Discourse. Oxford, Oxford University Press, 2007, xi, 169 p.

Charaudeau P. Langage et discours: Éléments de sémiolinguistique (théorie et pratique). Paris, Classiques Hachette, 1983, 176 p.

Clyne M. The sociocultural dimension: The dilemma of the German-speaking scholar. In: Schröder H. (ed.) Subject-oriented texts: Languages for special purposes and text theory. Berlin; New York, Gruyter, 1991, p. 49–67.

Cole P. On the origins of referential opacity. In: Cole P. (ed.) Pragmatics. New York etc., Academic Press, 1978, p. 1–22.

Cresswell M. J. Logics and languages. London, Methuen, 1973, 273 p.

Davidson D. The centrality of truth. In: Peregrin J. (ed.) Truth and its nature (if any). Dordrecht etc., Kluwer Academic Publishers, 1999, p. 105–115.

Demyankov V. Z. Osnovy teorii interpretacii i ee prilozhenija v vychislitel'noj lingvistike [Principles of a theory of interpretation and of its applications in computational linguistics]. Moscow, Moscow University Press, 1985, 76 p. (in Russ.)

Demyankov V. Z. O yazykovykh teknikach adaptacii mnenija [On linguistic techniques of opinion adaptation]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics], 2020, no. 4, p. 5–17. (in Russ.)

Dry H. A. The movement of narrative time. *Journal of literary semantics*, 1983, vol. 12, no. 2, p. 19–53.

Elgin C. Z. With reference to reference. Indianapolis; Cambridge, Hackett, 1983, 200 p.

Fillmore Ch. J. Types of lexical information. In: Steinberg D. D., Yakobovits L. A. Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology. Cambridge, Cambridge University Press, 1971, p. 370–392.

García-Carpintero M. The explanatory value of truth theories embodying the semantic conception. In: Peregrin J. (ed.) Truth and its nature (if any). Dordrecht etc., Kluwer Academic Publishers, 1999, p. 129–148.

Gardiner A. The theory of speech and language. Oxford, Clarendon, 1932, xi, 348 p.

Goodman N. Routes of reference. In: Borbé T. (ed.) Semiotic unfolding: Proceedings of the Second Congress of the International Association for Semiotic Studies, Vienna, July 1979, vol. 1, part 1: Theory and history of semiotics; part 2: Semiotics and social interaction. Berlin etc., Mouton, 1984, p. 123–133.

Grabski M. Gebrauchsanführungen: Ein Ausdrucksmittel für die Störung semantischer Struktur. Tübingen, Niemeyer, 1988, 115 S.

Kiefer F. Some semantic aspects of indirect speech in Hungarian. In: F. Coulmas F. (ed.) Direct and indirect speech. Berlin etc., Mouton de Gruyter, 1986, p. 201–217.

Krause G. Zur Originalität des literarischen Signifikanten. Frankfurt am Main etc., Lang, 1985, ix, 236 S.

Marcus R. C. B. Rationality and believing the impossible. *Journal of philosophy*, 1983, vol. 80, no. 6, p. 321–338.

Quine W. V. O. Word and object. Cambridge (Massachusetts), Massachusetts Institute of Technology, 1960, 296 p.

Quine W. V. O. Pursuit of truth. Cambridge (Massachusetts); London, Harvard University Press, 1990, 113 p.

Quine W. V. O. Where do we disagree? In: Hahn L. E. (ed.) The philosophy of P. F. Strawson. Chicago; La Salle (Illinois), Open Court, 1999, p. 73–79.

Ramsey F. P. Philosophical papers. Ed. by D. H. Mellor. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 257 p.

Roberts H. Voice in fictional discourse. In: Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California), Berkeley Linguistics Society, 1981, vol. 7, p. 265–274.

Searle J. R. Truth: A reconsideration of Strawson's views. In: Hahn L. E. (ed.). The philosophy of P. F. Strawson. Chicago; La Salle (Illinois), Open Court, 1999, p. 385–401.

Shatin Yu. V., Silantev I. V. The new rhetoric of Ch. Perelman and the method ways of rhetoric argumentation in H. Poincaré works. *Critique and Semiotics*, 2019, no. 2, p. 392–401. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2001, 990 p. (in Russ.)

Strawson P. F. Reply to John Searle. In: Hahn L. E. (ed.) The philosophy of P. F. Strawson. Chicago; La Salle (Illinois), Open Court, 1999, p. 402–404.

Whitehead A. N., Russell B. *Principia mathematica*. 2nd ed. Cambridge, At the University Press, 1935, vol. 1, 673 p.

Yule G. The paralinguistics of reference: representation in reported discourse. In: Cook G., Seidlhofer B. (eds.). *Principles & practice in applied linguistics: Studies in honour of H. G. Widdowson*. Oxford, Oxford University Press, 1995, p. 185–196.

Сведения об авторе

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

vdemiank@mail.ru

ORCID 0000-0001-9331-3708

WoS ResearcherID O-7350-2017

SPIN-код 7818-1799

AuthorID 1290

Information about the Author

Valery Z. Demyankov, Dr. habil., Professor, chief research fellow, head of Department of Theoretic and Applied Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

vdemiank@mail.ru

ORCID 0000-0001-9331-3708

WoS ResearcherID O-7350-2017

SPIN-код 7818-1799

AuthorID 1290